

Оглавление

Глава первая

Тайные похороны и отречение от веры отцов. — Удачное утро герра Шмитке. — Незваные гости в табачной лавке . . . 5

Глава вторая

Дядюшка на водах. — Новое полезное знакомство. — Отравленное детство 28

Глава третья

Надежды и сомнения торговки табаком. — Несколько встреч в пути. — Раскольник в императорском парке 51

Глава четвертая

Один весьма неудачный обед 74

Глава пятая

Торговка табаком теряет брата и находит новую служанку. — Всегда ли посуда бьется к счастью? — Савельев встречает человека, готового на все... 101

Глава шестая

Старые тайны и новые огорчения 128

Глава седьмая

Новые клиенты прекрасной табачницы. — Какие существа водятся на самом дне общества 160

Глава восьмая

*Молодой разбойник на пороге смерти. — Покаяние. —
Чем не стоит клясться мужчине, когда он влюблен* 185

Глава девятая

*Призраки и маски Павловского парка. — Как нарядиться
на праздник, на который тебя не звали* 204

Глава десятая

*Иногда старые друзья и близкие родственники бывают
совсем не рады друг другу* 233

Глава одиннадцатая

Гусар и разбойник на государственной службе 264

Глава двенадцатая

*Каких друзей можно найти, сидя в тюрьме, а каких —
потерять. — Испорченная шахматная партия и крайне
неудачное свидание* 288

Глава тринадцатая

*Как маленький человек может оказать большую помощь. —
Болтливый призрак. — Пора прозрения* 310

Глава четырнадцатая

Драка, дуэль и шахматная партия 332

Глава пятнадцатая

*Роженница находит приют, лавочница — заработок,
князь — любовницу, а доктор — отставку* 356

Глава шестнадцатая,

в которой принимаются очень важные решения 379

ЭПИЛОГ 407

Глава первая

*Тайные похороны и отречение от веры отцов. —
Удачное утро герра Шмитке. — Незваные гости
в табачной лавке*

Скобяную лавку Евсевия Толмачева на Седьмой линии знали все островитяне, да и за пределами Васильевского острова шла слава о ней, а вернее, о несносном, вздорном характере ее хозяина. Евсевий Зотыч относился с недоверием ко всем без исключения покупателям, во всяком человеке усматривал какой-нибудь подвох и «злонамерение». Часто затевал перебранку в лавке и даже швырялся товаром в обидчиков. Однажды он сломал нос муромскому купцу, заехав ему в лицо тяжелым замком, какие вешают на амбары. За это Евсевий едва не попал за решетку и был приговорен к штрафу в сто рублей серебром, что окончательно испортило его характер. К тому же люди начали сторониться толмачевской лавки, говоря с усмешкой: «Уж лучше целый нос, чем новый замок». И наверное, торговля его потерпела бы полный крах, если бы не одно обстоятельство, позволившее скандалисту не только удержаться на плаву, но и зажить безбедно.

Дело в том, что буйный лавочник принадлежал к тайной староверческой общине, которой руководил мудрый пастырь отец Иоил. Однажды тот собрал самых набожных

и примерных прихожан, чтобы придумать, как поступить с Толмачевым, позорящим общину своим необузданным характером. «Евсевий уже пятый год вдовеет. Может, оттого и дичает! — рассуждал отец Иоил. — Надо бы женить его на доброй девушке!» — «Есть одна на примете, — подавал голос кто-то из братьев и тут же усомнился: — Да больно молода...»

Оказалось, где-то в трущобах на Охте недавно померли от черной оспы супруги Огарковы, оставив сиротою четырнадцатилетнюю дочь Зинаиду. Сначала девочку взяли в богатый дом кухонной прислугой, но хозяева, распознав раскольницу, тут же вышвырнули ее вон. Зинаида нанялась в прачки, но работа не по ней тяжела, того и гляди надорвется девчонка. «Может статься, если выдадим ее за Евсевия, совершим тем самым богоугодное дело? И сироту пристроим, и буяна усмирим. Надо бы взглянуть на нее», — решил отец Иоил. Мудрому «старцу», как называли его в общине, едва перевалило за сорок, он был высок, статен и носил густую черную бороду. Маленькие, близко посаженные глазки казались лукавыми, хотя священник слыл честнейшим человеком. Официально, для властей, он содержал лавку с писчебумажным товаром, но то было лишь прикрытием. Торговля чернилами, перьями и бумагой в этой отдаленной части Васильевского острова, где жили сплошь неграмотные ремесленники, носила случайный характер и доставляла в бюджет копейки. По-настоящему отец Иоил зарабатывал на жизнь, покупая и продавая в тайной комнате за лавкой старообрядческие иконы, рукописные дониконианские Псалтири и прочие запретные реликвии. Со своих небогатых прихожан он сверх настоящей цены не брал ни копейки, зато состоятельные купцы-старообрядцы платили ему порой сотни и тысячи, желая завладеть какой-нибудь редкостью. В этой же лавке порой устраивались сборы в пользу очередного бедствующего

шего семейства. Отцу Иоилу не раз приходилось брать на себя и роль свата. Однако на этот раз его одолевали сомнения. Евсевий разменял шестой десяток, а невеста была еще ребенком, но смущало священника не это обстоятельство, а дурной характер лавочника и слухи о его мерзких наклонностях. В общине шептались, что Евсевий довел первую жену до сумасшествия тем, что постоянно щипал ее и щеко-тал. Соседи по ночам слышали, как бедняжка то безудержно хохочет, то вскрикивает от боли и рыдает. Мудрый старец пытался убедить себя в том, что Евсевий с годами образумился, что торговец, никогда не имевший детей, пожалеет сироту и будет относиться к ней по-доброму...

Увидев девочку, священник еще больше утвердился в своем мнении. Такого ангела нельзя было обидеть. Тяжелые каштановые косы Зинаиды, ее удлинненные зеленые глаза, смотревшие диковато, застенчиво, белая бархатная кожа, крошечные ручки — в изящном облике сироты было нечто аристократическое, хотя родители девочки умерли в мещанском звании. Изысканное впечатление усугубляла маленькая коричневая родинка под левым глазом в форме слезы, будто специально нарисованная. Лицо Зинаиды казалось заплаканным, и она, не сказав ни слова, уже вызывала к себе жалость.

Евсевию невеста, несмотря на хрупкость, понравилась, а Зинаиду никто и спрашивать не стал. Через месяц сыграли свадьбу. И уже на следующий день молоденькую жену Евсевия Зотыча увидели в лавке на Седьмой линии. Сначала народ просто ходил поглазеть на красавицу, попавшую в лапы чудовища. Кто-то сочувственно качал головой, иные злорадно усмехались — мол, взял старик сиротку, да как бы не наставила она ему рогов!

Зинаида быстро освоила премудрости торговли и даже внесла некоторые новшества. Например, устала полки цветами: фиалками и гиацинтами в плосках. Получилось

красиво и завлекательно, и едкий запах черных смазанных замков уже не так сильно бил в нос. Вместо треснутого колокола на дверях молодая хозяйка прицепила крохотную шарманку, купленную в немецкой лавке, и та приветствовала каждого нового посетителя прекрасной старинной мелодией. Подслеповатые, ни разу не мытые окна засверкали чистотой и были украшены воздушным вышитым тюлем. Евсевий Зотыч, вновь вкушавший прелести супружества, не сопротивлялся этим переменам, хотя поначалу ворчал: «Башкой нужно думать, Зина, а не чем-то еще! Товар у нас грязный, покупатель больше мелкий. Придет такой нищоброд, все перещупает, измажется маслом, дегтем и оботрет руки, да не об портки, а об твою занавеску. Один, другой — и тюль хфранцузский к вечеру в тряпку превратится!» Но девушка, кроме прочих талантов, обладала еще и чудесным даром убеждения. «Не сердчайте, Евсевий Зотыч, — ласково говорила она, — тюль я постираю, коли что, наутро будет как новый. А людям все же приятно смотреть на красоту!» С покупателями Зинаида была вежлива и обходительна, некоторые заходили в лавку только ради удовольствия поприветствовать девушку и услышать в ответ доброе слово. Все это в совокупности стало приносить доход, какой раньше и не снился Толмачеву. Вскоре Евсевий Зотыч совсем обленился, сутками лежал на диване, ел в три горла да гонял почем зря девку Хавронью, свою единственную прислугу. Он заметно раздался вширь и оттого, казалось, подобрел. Отец Иоил, частенько заходявший в гости к лавочнику, находил его если не в радужном настроении, то по крайней мере в миролюбивом. Священник радовался тому, что не ошибся в своих расчетах. Он видел, как девушка надывается с рассвета до позднего вечера в лавке и тащит на себе весь дом, но не находил в этом ничего удивительного. «Благочестивая жена так и должна жить!» — твердил он. Зинаида никогда не жалова-

лась и застенчиво молчала, когда он на исповеди расспрашивал ее о семейной жизни. Ее отношения с мужем оставались тайной даже для прислуги. Внешне все выглядело довольно пристойно. Во всяком случае, соседи ни разу не слышали, чтобы из дома лавочника доносились по ночам крики, рыдания или странный истеричный смех, как это было при его первой жене. «Неужели и впрямь образумился наш Евсевий?» — задавались вопросом они. Никто не догадывался, что под скромным, наглухо застегнутым платьем Зинаиды скрыто тело, испещренное синяками и кровоподтеками. Попытки в отличие от своей предшественницы она переносила молча.

Так прошло без малого шесть лет. Из слабенького подростка Зинаида превратилась в красивую стройную женщину, пышущую здоровьем. Все чаще она ловила на себе сластолюбивые взгляды мужчин. Попадались среди посетителей лавки и такие, которые без лишних церемоний делали ей пикантные предложения, на что она отвечала резко и даже грубо, ставя молодчиков на место. Старик Евсевий тоже не дремал. От него не укрылось то, что в облике жены произошли соблазнительные изменения, и он вновь стал спускаться в лавку, чтобы следить за Зинаидой. Каждый раз его появление заканчивалось ссорой супругов. Евсевию Зотычу казалось, что жена кокетничает с покупателями, слишком часто улыбается и чересчур уступчива во время торга с некоторыми постоянными клиентами. Старик не стеснялся при посторонних выругать жену, а однажды не сдержался и ударил ее по лицу, когда в лавке было полно народу. Зинаида, всегда кроткая и терпеливая, на этот раз повела себя неожиданным образом. Она сгребла с полки деревянный молоток и что было силхватила им по лбу ревенница. Шишка выросла не велика, но Евсевий после этого случая слег в нервной горячке и не вставал с постели десять дней.

Дело было вовсе не в шишке, конечно, а в публичном оскорблении и нестерпимой обиде. Вся природа Толмачева, темная натура патриарха-истязателя была настолько потрясена отпором жены, что последствия могли оказаться самыми печальными. Доктора опасались, что горячка бросится в мозг и тогда Евсевий Зотыча ждет сумасшедший дом. Однако прогнозы докторов не оправдались, и спустя десять дней старик самостоятельно поднялся с постели в полном здравии и уме. Все эти дни его мучил один жгучий вопрос. Почему Зинаида, на протяжении шести лет покорно терпевшая истязания, державшая их в тайне от всех, как и положено женам от веков вековечных, на людях вдруг взбесилась и посягнула на его седины?

На шатающихся ногах он поплелся в чулан, где висели на стене вожжи. Снял их, помял в дрожащих, не окрепших еще после болезни руках и пробурчал себе под нос: «Ну, поганка, держись! Умоешься ты у меня кровавыми слезами...»

Зинаида, застав мужа в комнате за лавкой, будто не заметила ни вожжей, ни его мертвенно-бледного лица, перекошенного яростью, и приторно ласково спросила: «Оправданы, Евсевий Зотыч? Ну, слава богу!» — «Не юли, змея, не прикидывайся! Все равно проучу!» — закричал тот, потрясая вожжами. — На мужа руку подняла, ведьма!» — «Погодите-ка, Евсевий Зотыч, — остановила она его, не смутившись. — Я от наказания не уклоняюсь, виновата. Только вы ведь дня три ничего не кушали, того гляди сомлеете опять... Закусили бы сперва, а уж потом, как водится у людей, меня поучите...» — «И то верно, — согласился старик, почувствовав вдруг необыкновенный приступ голода, — надо бы поесть. Принеси-ка...» — «Знаю, ваших яблочек любимых!» — живо откликнулась жена и бросилась в сени, где в дубовой кадлушке мокли яблоки.

Евсевий уселся за стол, красноречиво положив вожжи рядом. Быстро обернувшаяся Зинаида поставила перед ним

блюдце с яблоками. Он взял одно, повертел в руке. «А почему она с утра не в лавке?» — подумал старик, но спросить не успел. Едва он надкусил яблоко, как Зинаида схватила вожжи и начала хлестать мужа по голове, по спине, по рукам, по чем попадая. При этом женщина сдавленно приговаривала: «Вот тебе, старый хрыч, за все мои муки, за все слезы!» Евсевий Зотыч даже вскрикнуть не сумел. Откушенный кусок яблока встал у него поперек горла, он начал кашлять и задыхаться. Толмачев побагровел, налился кровью и вдруг стал синеть, раздирая себе ногтями горло, валясь под стол, увлекая за собой сорванную скатерть и блюдце с яблоками.

Это случилось в конце февраля тринадцатого года.

Гроб с покойником поставили в столовой, под образами. От гроба шел терпкий дубовый дух, будто из сених занесли остатки дров, запасенных на зиму. Странный аромат распространялся по всему дому, перебивая еле уловимый запах тления. Дубовые шелкопряды, спавшие в дереве, проснулись от тепла, выползли наружу и медленно, словно нехотя, исследовали покойника, заполняя ему за шиворот рубахи, бороздя посиневший кадык и обвислые щеки. Их жирные темно-красные тельца, будто налитые мертвой кровью, страшные морды с черными маскарадными масками произвели такое сильное впечатление на девку Хавронью, что та при виде красных червей заверещала и грохнулась в обморок. Прибежавшая на ее крик Зинаида при виде шелкопрядов и обмершей девки с усмешкой воскликнула: «Вот дура!» Приведя Хавронью в чувства, хозяйка отправила ее на кухню печь пироги для поминок, сама же без всякой брезгливости принялась выуживать из гроба червей. Она брала их двумя пальцами, бросала на пол и давила каблуком. За этим занятием и застал ее отец Иоил.

В общине живо обсуждалась драма, разыгравшаяся в доме Толмачевых. Одни утверждали, что Зинаида отравила Евсевия, будто бы в яблочке, которое она подала ему, имелась «червоточина». Лавочницу не раз видели в аптеке немца Кребса на Четвертой линии. Она часто шушукалась с самим хозяином, о чем-то с ним советовалась. Еретик поганый, не иначе, научил бабу, как извести муженька! Другие разумно возражали, что нужды нет, отравлено ли было яблоко, ведь Евсевий умер от удушья, поперхнувшись. А вот если бы своенравная жестокая женщина не взяла в руки вожжей, чтобы проучить мужа, едва оправившегося от болезни, ничего бы не случилось. В общем, все сходилось на том, что Евсевий отправился в мир иной не без участия Зинаиды, а так как та оставалась безнаказанной, возмущение в общине росло.

Разговоры дошли до отца Иоила. Он пытался утихомирить общину, внушая братьям и сестрам, что не во всяком грехе человек волен, и Зинаида наверняка не держала в мыслях страшного намерения убить своего благодетеля и супруга, но на молодую вдову все равно смотрели волками. Мудрый старец понимал, что Зинаиде не легко будет оправдаться перед единоверцами.

Теперь, наблюдая, с какой холодной решимостью та давит шелкопрядов, отец Иоил впервые подумал, что от застенчивой робкой девочки-сиротки, которую он привел шесть лет назад в общину, не осталось и тени. Заметив наконец священника, Зинаида буднично сказала, указывая на раздавленных червей:

— Вот ведь напасть, отец Иоил! Проснулись в тепле и полезли наружу. Видать, пройдоха гробовщик продал гроб из гнилого дуба.

— Не хочешь ли исповедаться, дочь моя? — тревожно спросил священник.

— После похорон, — ответила она, отвернувшись.

Иоил зажег свечу и принялся читать над покойником молитвы, стараясь не смотреть на останки раздавленных червей.

Как враждебно ни была настроена община, никто из братьев и сестер не донес на Зинаиду в участок. Любые спорные вопросы в раскольничьей среде считались делом сугубо внутренним и впутывать в них полицию значило навлечь на общину крупные неприятности. Впрочем, квартальный надзиратель Терентий Лукич сам явился тем же вечером в дом Толмачевых.

Терентий Лукич походил на рассеющуюся от сырости кашку с огурцами. Толстый и неуклюжий, он с трудом передвигался на коротеньких ножках. Бесцветные глаза, глубоко посаженные по бокам извилистого носа, узкая щель рта, жирные прыщавые щеки — все на его широком лице казалось собранным с разных, но одинаково неприятных физиономий. Он вкатился в комнату с покойником, снял треуголку и троеперстно, напоказ, перекрестился. По его хомячьим щекам катились крупные капли пота, рыжие бакенбарды вымокли, как от дождя. Гость обшарил взглядом труп и коротко, деловито спросил:

— Отравила?

— Да что вы! Господь с вами! — всплеснула руками Зинаида.

— Ты мне здесь тятров не разыгрывай, — предупредил квартальный. — Если извела Зотыча каким зельем, то так и говори. От меня не скроешь. Я людей вижу наскрозь...

— Никого я не изводила! — твердо заявила она. — Евсевий Зотыч яблочком поперхнулись...

— Ну ин ладно... Ты вот что... — вдруг сменил он тон на более ласковый, почесав в затылке. — Зотыч платил мне десять рублёв кажный месяц...

— Да разве ж за этим дело станет? — одарила его светлой улыбкой Зинаида. — Помилуйте, Терентий Лукич! Я буду платить двенадцать...

И тут же подкрепила обещание звоном серебряных монет. Но получив мзду, околоточный не спешил уходить. Он топтался на месте, мял в руках треуголку и наконец прошептал, косясь по сторонам:

— Хоронить будешь в лесу? Тайно?

— Вы же знаете, как у нас заведено, — развела руками Зинаида.

— Тогда гони еще двенадцать рублёв, красавица, — протянул он ей мокрую, на удивление маленькую ладошку с искривленными подагрой пальцами. — Потому как начальство меня за энто художество может взгреть...

Спрятав деньги, Терентий Лукич вновь перекрестился, умильно поглядел еще раз на покойника, тяжко вздохнул и, философски заметив: «Знать, пришел старику срок!» — удалился.

Старообрядческое кладбище пряталось в дремучем ельнике на зыбком островке среди болот. Отец Иоил уже не первый год отпевал здесь покойников. Он всегда возглавлял траурную процессию, бесстрашно ступая в брод, прощупывая дно багром. Однажды случилось так, что братья, несшие за ним гроб, оступились и упали в болото. Их еле спасли, а гроб с покойником затянула трясина. Зимой, когда болота замерзали, тропа была куда безопаснее. Вот и сейчас провожающих собралось больше обыкновенного. Могилу выкопали еще накануне.

Зинаида шла за гробом в одиночестве, опустив голову, чувствуя на себе взгляды братьев, полные ненависти и презрения. Многие смотрели и с завистью, ведь молодая вдова наследовала дом и лавку, а также сундук с серебром. И хотя большую часть этих денег заработала она сама, ее все равно считали недостойной наследницей, по-

дозревая в злом умысле. Отец Иоил напряженно думал все эти дни, как примирить общину с Зинаидой, и решил наконец, что лучше всего для нее будет продать хозяйство и перебраться в другой город, а то и в деревню. По России разбросано множество раскольничьих общин, а уж он свяжется с кем необходимо, поможет вдове устроиться на новом месте. Но у Зинаиды, как выяснилось вскоре, были совсем иные планы.

Остров-кладбище с покосившимися, а кое-где и вовсе упавшими в болотистую низину крестами наводил суеверный ужас на забредающих сюда случайно охотников. Собаки сразу же начинали подвывать, чуя нечто зловещее в едком сыром воздухе. Казалось, просевшие могилы вот-вот разверзнутся и из них выберутся на свет Божий истлевшие покойники. Из одной могилы торчала даже полусгнившая крышка гроба, поднявшегося из ямы под натиском грунтовых вешних вод. Могилы здесь копали неглубокие, да и те за считанные минуты доверху затопляла вода. Яма для Евсевия Толмачева по случаю недавних морозов, залита не была. Синие комья торфа вперемешку со льдом тусклой оправой поблескивали по краям могилы. Солнце поднялось уже высоко.

Отец Иоил прочитал молитву при хмуром молчании братьев. Девка Хавронья попыталась всплакнуть по хозяйину для приличия, но, как ни старалась, слез выжать не смогла. Гроб опустили в могилу, Зинаида без тени скорби на лице бросила синий ком земли в яму, и он, звонко ударившись о крышку, разлетелся на мелкие куски.

— Хоть бы ради людей притворилась, что горюет, — тихо сказал кто-то, и эта фраза оказалась той самой зловещей искрой, от которой разгорелся пожар.

— Притворилась? — громко переспросила Зинаида, взглянув в упор на того, кто это произнес. Затем так же

нагло, бесстрашно обвела взглядом все собрание: — Что-бы я притворялась, будто горюю по этому извергу?

Чуя грядущий скандал, отец Иоил двинулся к ней, но женщина не дала ему приблизиться, выставив вперед руки, отгораживаясь от священника ладонями. Ее зеленые глаза горели нехорошим, лихорадочным огнем.

— И ради каких людей мне притворяться? Кого стыдиться? Мне бы вас надо проклясть, — она обращалась не только к священнику, но и ко всем братьям, — за то, что бросили меня на растерзание бешеному псу! Знали же вы, что этот душегуб сотворил с первой женой...

— Я думал, Евсевий образумился, — в крайнем смущении прошептал отец Иоил.

— Он и на том свете не образумится! — истерично крикнула Зинаида. — Гори он в аду синим пламенем, вот ему от меня поминанье!

Над ее головой пронесся зловеший ропот, похожий на шелест сухих листьев.

— Ты ему не судья, — прошептал отец Иоил, подавленный до того, что почти лишился голоса. — Никому из нас не дано право судить ближнего...

— Надоели вы со своими проповедями! — дерзко бросила она священнику и, обведя взглядом сдвинувшихся вокруг могилы братьев, бестрепетно добавила: — Всех вас ненавижу с вашими тайнами! С вашими глупыми законами, которые мешают жить, дышать!

Отец Иоил от изумления приоткрыл рот. Братья оцепенели. Хавронья часто моргала и морщилась, будто ей под нос сунули что-то едкое.

— Не желаю больше оставаться в общине! — твердо заявила вдова. — Завтра же приму лютеранство.

— Это Кребс ее в свою веру обратил! — крикнул один из братьев.

— Он и мужа отравить надоумил! — поддержал второй.

— Она нас всех подведет, — испугался третий, — донесет в полицию...

— Да что мы смотрим на нее? — возмутился четвертый. — Придушить змею — и дело с концом!

Братья тут же подхватили:

— Туда ей и дорога!

— И здесь же схороним, рядом с муженьком...

Они стали обступать Зинаиду. Хавронья вскрикнула и, по своему обычаю лишившись чувств, рухнула в сугроб, на соседнюю могилу. Отец Иоил преградил братьям путь, заслоняя собой вдову.

— Стойте! — кричал он не своим голосом. — Я не допущу смертоубийства! Оглянитесь, здесь лежат ваши предки! Хотите осквернить их могилы?!

Но его не слушали и молча теснили прочь. К горлу Зинаиды уже тянулись чьи-то руки, но вдруг все разом зашумели и отшатнулись. В руках у вдовы неведомо откуда появился длинный, хорошо заточенный нож.

— Кто полезет — распорю брюхо! — процедила она сквозь зубы с решимостью, не позволяющей усомниться в серьезности ее намерений. Глаза женщины сверкали страшнее ножа, она озиралась вокруг с дикой одержимостью кошки, которую окружили рычащие псы.

— Ну ее к лешему! — махнул рукой один из братьев, не переставая пятиться.

— Пусть живет как знает, — осмотрительно рассудил второй, уже ступая на тропу, ведущую с кладбища.

— Такая стерва и вправду зарежет, — пробормотал третий и побежал за братьями трусцой.

Четвертый ничего не сказал, а только плюнул и перекрестился. Вскоре все покинули кладбище, только отец Иоил стоял как вкопанный. Зинаида же, не обращая на него внимания, аккуратно завернула нож в тряпицу и сунула его себе в валенок за голенище. Потом, нагнувшись над